

# № 546. — Заявление перед допросом.

*Перевод с немецкого.*

№ 546. - Заявление перед допросом.

[15 апреля 1851 года. Ольмюц.]

Как известно, я приговорен был в Саксонии к смертной казни за государственную измену и помилован с заменой смертной казни пожизненным заключением в исправительном доме. Как сказано в относящихся к этому приговору мотивах королевского саксонского высшего апелляционного суда в Дрездене, я мог быть присужден к смерти в Саксонии только в качестве саксонского гражданина: таким образом я вынесенным мне смертным приговором признан саксонским гражданином и помилован в качестве такового. Затем я в качестве осужденного саксонского гражданина был выдан Австрии, чему я не усматриваю никакого юридического основания, поскольку меня как уже осужденного саксонского гражданина снова передают суду австрийского трибунала. Хотя я знаю, что этот протест не принесет мне пользы, однако я по совести считаю себя обязанным заявить, что я не могу признать австрийский суд правомочным производить по отношению ко мне следственные и судебные действия.

## Комментарий

*№ 546. - Оригинал находится в допросах Бакунина, производившихся между 15 апреля и 14 мая 1851 года в Ольмюце, и, хранится в архиве военного министерства в Праге. Русский перевод этого заявления и текста допросов Бакунина а Австрии см. а томе II "Материалов для биографии Бакунина" под ред. Вяч. Полонского (стр. 414 ел.).*

*К моменту допроса Бакунина привлеченные: по делу о подготовке восстания в Богемии уже успели дать свои показания, по большей части довольно откровенные: в этих показаниях роль Бакунина была достаточно освещена, и ему пришлось признать почти все инкриминировавшиеся ему действия; но при этом он поставил себе за правило не выдавать других и не распространяться насчет своих сопроцессников. Эту линию он выдержал до конца.*

*Какого правила он старался держаться в своих показаниях перед следственными комиссиями, видно из его заявления, сделанного им в ответе на 14-й вопрос, заданный ему в Ольмюце. Там следователь задал ему общий вопрос о его отношениях к братьям Страка в*

надежде, что, отвечая на заданный в столь неопределенной форме вопрос, обвиняемый невольно проговорится и сообщит что-либо неизвестное следователям. Вот что на это отвечал Бакунин:

“Я должен здесь заявить, что вдаваться в подробности относительно отдельных лиц совершенно противоречит моему принципу, однажды мною уже высказанному. Я допускаю, что многое стало известным благодаря показаниям лиц, допрошенных во время следствия. Если например братья Страка многое рассказали, то они и отвечают за содержание своих речей. Я же могу отвечать только на определенные вопросы, но отнюдь не на вопросы общего характера, ибо могло случиться, что то или иное обстоятельство, то или иное лицо вообще ускользнули от следствия, и ответами общего характера я рисковал бы кого-нибудь скомпрометировать”.

Австрийское правительство давно имело против Бакунина зуб за участие его в пражском славянском съезде и в святодуховском восстании; особенно же оно раздражено было его двумя воззваниями к славянам и организацией заговора, направленного к возбуждению вооруженного восстания! в Богемии и к разрушению австрийской империи. Точка зрения австрийских властей на Бакунина выражена в докладе председателя пражской следственной комиссии, генерала Клейнберга, от 11 марта 1851 года из Праги от имени областного военного командования эрцгерцогу - верховному главнокомандующему австрийскую армию; там о роли Бакунина сказано:

"После того как выявилась наличность революционных происков в мае 1849 года и начато было по этому поводу следствие, скоро выяснились данные, не оставлявшие сомнения в том, что замышленная здесь революция была скомбинирована с грандиозным движением, задуманным в Германии, и что русский Михаил Бакунин, проживавший тогда тайно в Дрездене" стоял во главе этого предприятия". И дальше: "Приходится признать, что русский Бакунин является по-видимому тою осью, вокруг которой все вертелось".

Неудивительно, что в австрийских тюрьмах с Бакуниным обращались гораздо строже, чем в саксонских; этому впрочем содействовала меньшая культурность Австрии в сравнении с демократической Саксонией, а также большая обостренность классово-борьбы в двуединой монархии, где она осложнялась ожесточенной национальной распрей. В Саксонии он считался гражданским подсудимым, имел защитника, право переписки с друзьями и пр.; здесь он лишен был права переписки, предан был военному суду, не имел защитника и т. п. В австрийских тюрьмах ему помогали материально. Герцен, Рейхель, Гервег; проживавшие в Австрии люди, даже сочувствовавшие Бакунину, боялись проявить свои чувства, так как это было просто опасно: ведь австрийские власти взяли под подозрение как "пособников" не только таких приятелей Бакунина, как Рейхель или Габихт (бывший дессауским министром с революции 1848 г. по июль 1849 г.), но даже его дрезденского защитника Отто и банкирский дом Леммель в Праге за то, что через него переводились Герценом деньги для Бакунина. О плачевном положении, в каком очутился Бакунин в австрийских тюрьмах, свидетельствует то письмо аудитора Франца, которое мы приводим выше,

в комментарии 2 к No 537. Зато здесь ему позволили читать правительственные газеты, чего в Саксонии он не мог добиться. Слухи о том, что он выдержал 14-дневную голодовку с целью уморить себя. что его били на допросах и т. п., принадлежат очевидно к категории выдумок. Пфицнер. (стр. 213) приводит из дневника министра полиции Кемпе разговор с ним эрцгерцога Альбрехта от 25 марта 1851 года. Этот солдафон будто бы рассказывал следующее: "Он хотел в Праге уморить себя голодом и 14 дней не принимал ничего кроме воды; только тогда, когда ему дали читать романы Поль де Кока, в нем проснулась охота к жизни и еде. Слабое создание!". Пошлость чисто эрцгерцогская (Перевод Бакунина в Ольмюц, в руки кровожадных австрийских властей, где он исчез за стенами крепости, подействовал удручающе на его друзей. Отражением этого настроения является дневник Варнгагена. Там (том VIII, стр. 108, 119, 179) говорится, что о судьбе Бакунина нет никаких точных сведений. Однако автор дневника все же надеется на то, что рано или поздно он увидит свободу: "Такая благородная душа, такой железный дух не может погибнуть в бесплодном мученичестве". Дальше отмечается слух о помиловании Бакунина в Австрии, но вместе с тем о предстоящей выдаче его русскому правительству.)

Австрийские власти опасались попыток к освобождению Бакунина. На этой почве возникали всякие нелепые слухи, и у Бакунина в камере неожиданно производились обыски. Перед дверью его камеры No 2 в нижнем этаже стоял часовой; другой стоял в саду перед окном. Справа и слева по сторонам камеры расположена была стража. Наружное окно было кроме прочной решетки забрано деревянным щитом. Чтобы помешать ему уйти через потолок, поставлен был часовой также над его камерой. С конца. 1850 года вследствие распространения новых слухов о готовящемся побеге строгости усилились: из 18 человек караула половина, в том числе фельдфебель, капрал, разводящий и 6 рядовых, предназначена была исключительно для охраны камеры No 2. Слухи о готовящемся насильственном освобождении Бакунина, "после Маццини самого опасного человека в Европе", поддерживались и берлинскую полицию, которая сообщала в Вену о международном заговоре революционных вожаков, заручившихся для этой цели содействием ряда высокопоставленных лиц, преимущественно женщин. В результате всех этих нелепых слухов и сплетен Бакунин в ночь с 13 на 14 марта под сильным военным эскортом был неожиданно переведен в крепость Ольмюц, причем, как рассказывает Герцен, конвою отдан был приказ застрелить арестанта при малейшей попытке к его освобождению. Здесь приказано было никого к нему не допускать кроме врача, не давать ему письменных принадлежностей и приставить к нему строгую стражу. Бакунин был совершенно изолирован от других заключенных и охранялся большим караулом, состоявшим из фельдфебеля, капрала, двух ефрейторов и 22 рядовых, причем им придан был еще резерв в виде капрала, ефрейтора и 18 рядовых. Но материально положение его в Ольмюце, если не считать первой поры. было не таким уже плохим: по его просьбе ему дали сигары и книги, им получено было от друзей новое платье, комендант крепости приказал выдавать ему двойной паек и т. п.

Так как Россия настойчиво добивалась выдачи Бакунина, то Шварценберг хотел поскорее отделаться от Бакунина. Особенной пользы он австрийским следователям принести не мог, так как все главное было уже выдано другими подсудимыми, Бакунин же держал себя на допросах чрезвычайно осторожно, и от него следователи ничем существенным поживиться не рассчитывали. На ряд вопросов, интересовавших австрийскую полицию, он дал уже ответ

*в Саксонии, власти которой допустили к участию в следствии присланного из Австрии чиновника. Первый общий допрос сделал был пражскою комиссиею Бакунину 15 июня 1850 г., т. е. на следующий день по водворении его в австрийскую тюрьму; он основывался на показаниях, данных его сопроцессниками, арестованными еще в мае 1849 года. После того допросы на долгое время прекратились. Лишь по переводе Бакунина в Ольмюц приказано было закончить следствие о нем, и на этом основании аудитор Франц подверг Бакунина допросам с 15 по 18 апреля 1851 г., а затем окончательно допросил его 14 мая. Вот перед допросом 15 апреля 1851 г. Бакунин и сделал то заявление, которое мы печатаем под настоящим номером.*

*14 мая 1851 г. Бакунин был допрошен в последний раз, а уже на следующий день, 15 мая, он был военным судом приговорен к повешению за государственную измену по отношению к Австрийской империи. Затем смертная казнь была заменена ему, как в Саксонии, пожизненным заключением. Но все это было не чем иным как лицемерною прелюдиею к давно задуманной выдаче его российскому правительству, которое настойчиво домогалось этой выдачи и подготовилось к ней.*

---

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 9 декабря 2025 21:05:49

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 9 декабря 2025 21:09:21